

Архив памяти Век: кит. - 1994. - 16авг. с.8

Леонид Леонов хотел «написать» небо Брейгеля

В книге «Голоса с Востока» (1960 г.) чешский писатель и дипломат Франтишек Кубка оставил нам воспоминание-зарисовку о своей встрече с молодым Леонидом Леоновым. Увы, настал тот день, с которого начался отсчет свидетельств о великом русском писателе в прошедшем времени. С каждым днем эти воспоминания будут все дороже. И вот одно из них — достаточно неожиданное.

31 декабря 1934 года Михаил Литвинов пригласил на новогодний прием дипкорпус, генералитет, немало всякого начальства, журналистов, художников, музыкантов, писателей. Оказалась там и наша делегация.

В тот вечер мне довелось говорить с Леонидом Леоновым. Ему было уже тридцать шесть, но лицо его было по-юношески розовым, запомнились густые темные волосы, прекрасные молодые глаза, мечтательно приоткрытые губы, нервные ноздри тонкого носа и непомерно большие, грубоватые руки.

Он был известен в Европе своей прозой о гражданской войне. Сознательно ориентировался на Достоевского. Любил Шекспира. Свои романы-полотна компоновал словно бы из рассказов-эпизодов. В отличие от самоучки Всеволода Иванова, сидевшего неподалеку на этом же приеме, молодой Леонов славился всесторонней образованностью. В науках гуманитарных, естественных и технических.

Он сидел под старинным гобеленом рядом с женой, попивал кавказское вино, то и дело нервно запуская в шевелюру огромную пятерню.

Говорили мы о живописи и скульптуре. Он высказал несколько своих заветных мыслей о «Танцах смерти» Гольбейна, и мне показалось, никак не мог отогнать от себя грустных мыслей.

Даже в этом разговоре он прибегал к образам скорее из областитехники. Потрясая кулаком, объяснял мне:

— Наше время заряжено электричеством... Энергия пятилеток перенасыщена высоким напряжением... Люди и вещи — своеобразные аккумуляторы...

Леонова больше всего интересовало: а есть ли у нас в Праге художники в духе Брейгеля.

И он рассказал мне о старики, «маленьком человеке», купившем у старьев-

щика на Сухаревке подлинного Брейгеля, неоспоримый оригинал, на котором после устранения более поздних наслоений вдруг обнаружился «волшебный, грустный, серый кусочек неба в верхнем углу». Старик был счастлив.

— Как я был бы благодарен судьбе за кусочек серого брейгелевского неба, если бы сумел «написать» его над своими сюжетами! Я люблю Брейгеля так, как будто он был певцом русской деревни. В нем такая энергия августовских гроз над лесостепью! Он точно чувствовал жесткий уклад старой деревни, гротескный и трагический...

Больше мы никогда не встречались с писателем, создавшим вскоре роман-утопию «Дорога на океан», а спустя почти двадцать лет — прославивший его роман-симфонию «Русский лес». И много чего еще: всесторонняя одаренность и потрясающее трудолюбие вывели Леонова на великий путь русской классической литературы. При этом он всегда оставался современным прорабом духа, упорно строившим свою собственную модель лабиринта мира.

Перевод с чешского.